

© **Андрей Михайлович Наумов**
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Владимирского филиала РАНХиГС
Naumov@vlad.ranepa.ru

A. M. Naumov
Candidate of Law,
Vladimir branch of RANEPa

Самыми сложными бывают дела, кажущиеся самими простыми

ПЕРВЫЙ БЛИН КОМОМ

First fucking coma

Аннотация: Федеральным законом № 190-ФЗ от 23 июня 2016 года в уголовно-процессуальный закон были внесены изменения, предусматривающие возможность рассмотрения судьями районного суда ряда составов преступлений коллегией из шести присяжных заседателей. Первое уголовное дело, которое было рассмотрено во Владимирской области по правилам данного Федерального закона, - это уголовное дело по обвинению гражданки Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Дело рассматривалось Суздальским районным судом. 27 марта 2019 года Суздальский районный суд постановил гражданку Ж. по предъявленному ей обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, оправдать на основании п.п. 3, 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта за отсутствием в её деянии состава преступления. Автор анализирует первый в регионе опыт деятельности судов районного звена с участием присяжных заседателей и выявляются причины постановления оправдательного приговора.

Summary. Federal Act No. 190-ФЗ of 23 June 2016 amended the Criminal Procedure Act to allow judges of the District Court to consider a number of offences by a panel of six jurors. The first criminal case, which was considered in Vladimir region under the rules of this Federal Law, is a criminal case on charges of committing an offence under Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation. The case was heard by the Suzdal District Court. On March 27, 2019 the Suzdal district court decided to acquit the citizen on the charge of commission of the crime provided by Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation brought to her on the basis of Subparagraphs 3, 4 Parts 2 of Article 302 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with removal by jury of assessors of a not-guilty verdict behind absence in its act of corpus delicti. The author analyses the first experience in the region of district courts with the participation of jurors and identifies the reasons for the decision of acquittal.

Ключевые слова: районный суд, коллегия присяжных заседателей, оправдательный вердикт, оправдательный приговор.

Keywords: district court, jury of assessors, not-guilty verdict.

Фабула дела.

Из постановления о возбуждении уголовного дела известно следующее.

22.09.2016 г. в 11 часов 55 минут в ОМВД России по Суздальскому району поступило сообщение от сотрудников бригады скорой медицинской помощи по Суздальскому району, что по месту жительства: Владимирская область, пос. Сновицы, ул. Центральная, д. 34, обнаружен труп гражданина Ж., 1951 года рождения, с колото-резаным ранением передней брюшной стенки.

Согласно сведениям ГБУЗ ВО «Бюро судебно-медицинской экспертизы», смерть Ж. наступила в результате колото-резаного ранения, осложнившегося развитием разлитого гнойно-фибринозного воспаления брюшной полости.

При указанных обстоятельствах в действиях неустановленного лица, причинившего телесные повреждения Ж., усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

24.10.2016 года ст. следователь Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления СК РФ по Владимирской области Т. возбудил по данному факту уголовное дело № 42450 по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ в отношении неустановленного лица.

06.11.2016 г. уголовное дело на основании постановления руководителя следственного отдела было передано для дальнейшего расследования старшему следователю П.

В ходе расследования данного уголовного дела была установлена причастность к совершению данного преступления бывшей жены гражданина Ж. гражданки Ж., 1957 года рождения, с которой они прожили вместе 20 лет: с 1983 года по 2003 год, нажили двух детей: сына Ивана и дочь Марию, в 2003 года развелись, но продолжали проживать вместе в этом частном доме, принадлежавшем матери обвиняемой Ж.

Будучи допрошенной в качестве подозреваемой, гражданка Ж. пояснила, что 18 сентября 2016 года около 14 часов на кухне частного дома по вышеуказанному адресу её бывший муж, находясь в состоянии алкогольного опьянения, потребовал от неё деньги на спиртное, получив отказ, схватил её сзади за волосы руками. Она в этот момент держала в руке кухонный нож, которыми резала овощи. От неожиданности она резко повернулась к мужу, и муж наткнулся на нож. После чего он отпустил её. Она с дочерью обработали ему рану перекисью водорода и заклеили пластырем. Она предложила мужу вызвать скорую помощь и обратиться к врачам, но он отказался. Спустя четыре дня, 22 сентября 2016 года она, видя, что мужу стало совсем плохо, вызвала скорую помощь. В присутствии врача скорой помощи муж потерял сознание, его пытались реанимировать, но он скончался.

Эти показания гражданка Ж. не меняла и стабильно давала как в ходе предварительного следствия, так и в суде.

25.11.2016 г. ст. следователь Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления СК РФ по Владимирской области П. предъявил гражданке Ж., 1957 года рождения, обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, – причинение смерти по неосторожности.

Гражданке Ж. инкриминировалось совершение преступления при следующих обстоятельствах.

18 сентября 2016 года около 14 часов 00 минут обвиняемая Ж. и потерпевший Ж. находились в помещении кухни дома № 34 на ул. Центральной села Сновицы Суздальского района Владимирской области, где потерпевший Ж. предпринял в отношении обвиняемой Ж. аморальные противоправные действия, выразившиеся в том, что, находясь позади неё, взялся двумя руками за её волосы, у нее в этот момент в правой руке находился кухонный нож.

Сразу после этого в период времени с 14 часов 00 минут до 14 часов 30 минут 18 сентября 2016 года обвиняемая Ж., осознавая, что потерпевший Ж. не представляет для её

жизни и здоровья опасности, находясь в вышеуказанном месте, с целью освободиться от потерпевшего Ж., который продолжал держать её за волосы, резко повернулась в сторону последнего, при этом продолжая держать в правой руке кухонный нож.

После этого обвиняемая Ж., действуя небрежно, пренебрегая мерами безопасности жизни и здоровья потерпевшего Ж., не предвидя наступление тяжких последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должна была и могла предвидеть наступление тяжких последствий в виде смерти потерпевшего Ж., при наличии возможности положить кухонный нож и избежать наступления тяжких последствий, понимая, что потерпевший Ж. в момент её резкого поворота начнет заваливаться своим телом на неё, не убедившись в безопасности нахождения в её руке кухонного ножа и близкого расстояния последнего к ней, создала опасную для жизни потерпевшего Ж. ситуацию, в результате чего последний наткнулся нижней частью живота на указанный кухонный нож.

В результате небрежных действий обвиняемой Ж. потерпевшему Ж. причинены телесные повреждения в виде: слепого проникающего колото-резаного ранения живота с повреждением желудка, относящегося к категории повреждений, причинивших тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, и состоявшегося в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти.

Смерть потерпевшего Ж. наступила в результате колото-резаного ранения живота с повреждением желудка, осложнившегося развитием разлитого гнойно-фибринозного воспаления брюшной полости.

Вина обвиняемой Ж. по отношению к смерти потерпевшего Ж. является неосторожной и выражена в форме преступной небрежности. Между преступными действиями обвиняемой Ж. и наступлением общественно опасных последствий в виде смерти потерпевшего Ж. имеется прямая причинно-следственная связь.

Анализ доказательств.

Обвиняемая Ж. полностью признала свою вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, и дала признательные показания, совпадающие с фактурой обвинения. Собственно, обвинение строится прежде всего и в основном на признательных показаниях обвиняемой.

Кроме признательных показаний обвиняемой Ж. её вина в совершении данного преступления подтверждается показаниями её дочери Марии, которая в момент совершения преступления находилась на кухне, видела, как отец схватил мать за волосы, та повернулась к нему с ножом в руке, поскольку резала овощи для салата, но самого момента причинения телесного повреждения ножом она не видела; показаниями сына обвиняемой Ивана, признанного представителем потерпевшего, который знает о произошедшем со слов матери; показаниями матери обвиняемой гражданки К., которая также знает о случившемся со слов дочери; показаниями снохи обвиняемой Ирины, которая также знает о случившемся со слов обвиняемой; показаниями единственного независимого свидетеля Г., которая является врачом скорой помощи и выезжала на вызов по месту жительства потерпевшего. Там её встретила обвиняемая Ж. и сообщила, что у больного ранение в передней брюшной стенке и что он ходил с данным ранением несколько дней. Обвиняемая провела её к потерпевшему, который лежал на диване в комнате. Потерпевший от осмотра и от госпитализации категорически отказывался, сказал, что не хочет ехать, с ним все в порядке, об обстоятельствах появления ранения ничего не сообщил. При этом рану он ей не показал. Но она уговорила больного осмотреть его. Он согласился, она осмотрела и увидела, что в области передней брюшной стенки чуть ниже пупка левее расположено ножевое ранение, в котором началась эпителизация (заживление раны), крови в области раны не было. Больному было предложено проехать

в больницу для дальнейшего осмотра, он согласился. Больной встал с дивана, потом стал оседать. Она прошла к служебному автомобилю за носилками и аппаратурой. Вернувшись, обнаружила, что больной лежит без сознания на полу в комнате. Ему проводились реанимационные мероприятия, которые оказались неэффективными. У потерпевшего Ж. в 11 часов 40 минут 22.09.2016 г. была констатирована смерть.

В тот же день, 22.09.2016 г., следователем был проведен осмотр места происшествия, в том числе трупа гражданина Ж. В ходе осмотра были обнаружены и изъяты кухонный нож и футболка с трупа Ж. Сам труп гражданина Ж. был направлен в бюро судебно-медицинской экспертизы для исследования. Изъятые предметы (нож и футболка) были впоследствии осмотрены и признаны вещественными доказательствами.

К числу доказательств вины относятся несколько заключений экспертов.

Согласно заключению медицинской экспертизы № 199-а от 24.10.2016 г., при исследовании трупа Ж. выявлено слепое проникающее колото-резаное ранение живота с повреждением желудка.

Данное колото-резаное ранение причинило тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, состоит в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти и было получено примерно за 1-5 суток до наступления смерти (гистологически) действием предмета с колюще-режущими свойствами типа клинка ножа с односторонней заточкой, что подтверждается данными вскрытия и медико-криминалистического исследования (один остроугольный, а другой П-образный конец раны, преобладание длины раневого канала над длиной входной раны). Согласно данным медико-криминалистического исследования ширина клинка ножа на уровне части, погружившейся в тело, могла быть около 14-17 мм, при этом обух клинка имел прямоугольную форму и толщину в пределах 1-2 мм.

Смерть Ж. наступила в результате колото-резаного ранения, осложнившегося развитием разлитого гнойно-фибринозного воспаления брюшной полости.

Положение пострадавшего в пространстве, равно как и взаиморасположение пострадавшего и «нападавшего» в момент причинения телесного повреждения, могло быть любым, при котором область расположения повреждения доступна для действия травмирующего предмета.

25.11.2016 г. следователь провел на месте происшествия проверку показаний подозреваемой Ж., в ходе которой последняя воспроизвела обстоятельства произошедшего, в том числе взаиморасположение её и потерпевшего во время причинения последнему телесного повреждения.

После чего следователь назначил дополнительную судебно-медицинскую экспертизу по взаиморасположению обвиняемой и потерпевшего во время причинения последнему ранения.

Согласно дополнительному заключению эксперта № 199-а от 28.11.2016 г., взаиморасположение обвиняемой и потерпевшего, в ходе причинения повреждения, могло динамически меняться и быть любым, при котором область расположения колото-резаного ранения доступна действию травмирующего предмета (нож).

Учитывая взаиморасположение колото-резаной раны передней брюшной стенки и раны стенки желудка Ж. следует, что колото-резаное ранение было ориентировано спереди назад, снизу вверх и слева направо, относительно анатомо-физиологического положения Ж.

Учитывая данные допросов и проверки показаний на месте и направление раневого канала, образование данного ранения при указанных обстоятельствах считается возможным.

Согласно заключению эксперта № 264 от 26.11.2016 г., на футболке потерпевшего Ж. обнаружено одно сквозное повреждение, которое по механизму образования является колото-резаным и могло быть образовано ножом, предоставленным на экспертизу или иным предметом, имеющим аналогичные формы и размеры клинка.

История расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде.

30.11.2016 г. ст. следователь Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления СК РФ по Владимирской области П. составил обвинительное заключение в г. Суздале по уголовному делу № 42450 по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ.

12.12.2016 г. заместитель Суздальского межрайонного прокурора Д. утвердила обвинительное заключение и направила уголовное дело для рассмотрения в Суздальский районный суд Владимирской области.

При ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемая Ж. и её защитник адвокат Г. заявили ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

18.01.2017 г. судья Суздальского районного суда М. вынес постановление о назначении судебного заседания без проведения предварительного слушания в особом порядке на 31.01.2017 г.

31.01.2017 г. судья Суздальского районного суда М., выслушав в судебном заседании мнения сторон о возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке (причем представитель потерпевшего Ж. и государственный обвинитель не возражали против рассмотрения дела в особом порядке), тем не менее судья выносит постановление о прекращении особого порядка и о рассмотрении уголовного дела в общем порядке.

Суд мотивирует это решение тем, что имеются сомнения в обоснованности предъявленного обвинения Ж. и имеется необходимость исследования доказательств по уголовному делу в судебном заседании.

Затем в период с января по май 2017 года в ходе проведения судебного следствия при рассмотрении дела в общем порядке в суде допрашиваются представитель потерпевшего Ж., подсудимая Ж., свидетель, дочь подсудимой Ж., оглашаются показания не явившихся свидетелей, исследуются материалы уголовного дела. При этом особое внимание уделяется изучению заключений, данных судебно-медицинскими экспертами на предварительном следствии.

Суд находит противоречия в заключениях, данных судебно-медицинскими экспертами на предварительном следствии, и назначает повторную ситуационную судебно-медицинскую экспертизу.

Согласно заключению комиссионной судебной медицинской экспертизы по материалам уголовного дела № 39 от 07.04.2017 г., *смерть Ж. наступила от проникающего ранения живота с повреждением стенки желудка, осложнившегося разлитым гнойным воспалением брюшины, приведшим к общей интоксикации организма и полиорганной недостаточности*, что подтверждается данными судебно-медицинского исследования трупа, данными дополнительных лабораторных методов исследования.

Это телесное повреждение по признаку опасности для жизни относится к повреждениям, причиняющим ТЯЖКИЙ вред здоровью (п. 6.1.15 «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», приказ № 194н МЗ РФ от 24.04.2008 г.), и имеет прямую причинно-следственную связь с наступлением смерти Ж.

Форма и размеры раны на коже живота, морфологические особенности ее краев и концов, особенности и размеры повреждения ткани футболки; наличие и локализация

повреждения на стенке желудка, а также значительное отдаленное расположение раны на коже и стенки желудка друг от друга, дают основание сделать вывод о том, что ранение потерпевшему было причинено плоским колюще-режущим орудием типа клинка ножа имевшим одностороннюю острую заточку, обушок прямоугольной формы толщиной в пределах 1-2 мм, наибольшую ширину погруженной части около 17-18 мм и длину более 9-10 см.

Количество, локализация и значительное отдаленное расположение повреждений на коже живота и стенке желудка, ориентация остроугольного конца кожной раны, выявленных при исследовании трупа, дают основание считать, что *ранение потерпевшему было причинено одним травматическим воздействием клинка орудия, нанесенного с достаточной силой и в направлении снизу вверх, слева направо и спереди назад по отношению к продольной вертикальной оси тела потерпевшего, когда лезвие клинка было обращено вверх.*

Данные полученные при сопоставлении параметров клинка ножа, представленного на экспертизу, с размерами повреждений на коже живота и футболки, с расстоянием и расположением повреждений на стенке живота и желудке, а также данные проведенного векторно-графического анализа дают основание сделать вывод о том, что *возможность причинения ранения Ж. представленным ножом и при условиях, указанных гражданкой Ж., исключается.*

Сравнивая данное заключение судебно-медицинской экспертизы с теми заключениями, что были даны ранее на предварительном следствии, нетрудно заметить существенные противоречия между ними. Причем эти противоречия касаются весьма важных вопросов о взаиморасположении потерпевшего и нападавшего, о силе нанесенного удара, о возможности либо невозможности причинения ранения при тех обстоятельствах, которые описывает обвиняемая Ж. (*наткнулся потерпевший на нож, как она говорит, либо она его ударила ножом*), что непосредственно влияет на квалификацию содеянного ею.

После получения данного заключения судом были допрошены судебно-медицинские эксперты, давшие первоначальное и повторное заключения. Однако это не удовлетворило и обе стороны: и подсудимая с защитником, и государственный обвинитель заявили в суде ходатайства о назначении повторной экспертизы. Но суд в удовлетворении ходатайств защитника-адвоката Г. и государственного обвинителя Д. отказал, мотивируя это тем, что, поскольку постановлением от 16 марта 2017 года судом назначена экспертиза, которая имеет повторный характер. Данная экспертиза проводилась комиссией судебных экспертов, которые пришли к единому мнению, иных мнений не высказывалось, на какие-либо нарушения указано не было. Кроме того, ответы экспертов на иные вопросы не является нарушением при проведении экспертизы.

Несмотря на то, что судебное следствие было завершено и планировалось выходить на судебные прения, суд выносит на обсуждение сторон по своей инициативе вопрос о возвращении уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, согласно которой фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления, или в ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанного лица как более тяжкого преступления, а также возвращается к обсуждению ходатайства потерпевшего Ж. о прекращении уголовного дела в отношении Ж. за примирением сторон.

Выслушав мнения участников процесса (потерпевший Ж.: на усмотрение суда. Ходатайство о прекращении уголовного дела за примирением сторон поддерживаю.

Защитник-адвокат Г: возражаю против возвращения уголовного дела прокурору как на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, так и на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Поддерживаю ходатайство потерпевшего Ж. о прекращении уголовного дела в отношении Ж., в связи с примирением с потерпевшим. Подсудимая Ж: поддерживаю мнение адвоката. Государственный обвинитель Д.: полагаю, что имеются основания для возвращения уголовного дела прокурору прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, на основании того, что обвинительное заключение по уголовному делу составлено с нарушением требований настоящего Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения. Оснований для квалификации действий Ж. как более тяжкого преступления не имеется, так как и оснований, предусмотренных п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Также возражаю против прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим) суд вынес постановление о возвращении уголовного дела прокурору на основании п.6 ч.1 ст. 237 УПК РФ и отказал в удовлетворении ходатайства представителя потерпевшего о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.

Мотивируя свою позицию относительно того, что уголовное дело возвращается прокурору по основанию, указанному в пункте 6, а не в пункте 1, как просил государственный обвинитель, части 1 статьи 237 УПК РФ, суд указывает следующее.

Учитывая данные заключения экспертов, полученного в ходе судебного заседания, согласно которым данные полученные при сопоставлении параметров клинка ножа, представленного на экспертизу, с размерами повреждений на коже живота и футболке, с расстоянием и расположением повреждений на стенке живота и желудке, а также данные проведенного векторно-графического анализа, дают основания сделать вывод о том, что возможность причинения ранения Ж. представленным ножом и при условиях, указанных Ж., исключается.

Таким образом, с учетом иных исследованных в судебном заседании доказательств, *выводы экспертов о нанесении удара с достаточной силой могут указывать в том числе на **умышленный** характер причинения телесного повреждения Ж., что в любом случае является **более тяжким преступлением**, т.к. наступила смерть Ж.* Изложенные обстоятельства препятствуют рассмотрению уголовного дела по существу

Мотивируя отказ в удовлетворении ходатайства представителя потерпевшего Ж. о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, суд указывает следующее.

При разрешении ходатайства потерпевшего Ж. суд учитывает обстоятельства инкриминированного преступления, последствиями которого явилась смерть человека, данные о личности подсудимой Ж., а также данные о принесении извинений и денежной компенсации в связи с деянием, что явно несоразмерно характеру совершенного деяния и его последствиям.

Суд также считает, что решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшей по уголовному делу о преступлении, последствием которого стало причинение смерти человеку, при изложенных обстоятельствах не будет соответствовать целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества, а также государства.

Таким образом, в постановлении от 16 мая 2017 года судья Суздальского районного суда Владимирской области прямо указывает о том, что уголовное дело возвращается прокурору в связи с тем, что ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий подсудимой как более тяжкого преступления.

Данное решение суда было обжаловано представителем потерпевшего и стороной защиты в апелляционном порядке во Владимирский областной суд.

Согласно апелляционному постановлению от 27 июля 2017 года Владимирского областного суда, постановление Суздальского районного суда Владимирской области от 16 мая 2017 года о возвращении прокурору уголовного дела в отношении Ж. следует изменить, исключив из его описательно-мотивировочной части указание на умышленный характер причинения телесных повреждений потерпевшему Ж.

Указание об умышленном характере причинения телесных повреждений потерпевшему Ж. подлежит исключению из описательно-мотивировочной части постановления, поскольку согласно п.п. 1.3 п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ суд при возвращении уголовного дела прокурору не вправе делать вывод о квалификации деяния, виновности обвиняемого, а также об оценке доказательств.

В остальном постановление судьи оставить без удовлетворения, апелляционные жалобы защитника Г. и потерпевшего Ж. частично удовлетворить.

Мы видим, что в данном случае судья Суздальского районного суда проявил обвинительный уклон, указав стороне обвинения на необходимость квалификации действий подсудимой Ж. по более тяжкому составу преступления, что впоследствии и произошло.

В ходе данного судебного разбирательства были вскрыты факты грубых нарушений закона, допущенных следователями Октябрьского межрайонного следственного отдела Следственного комитета РФ по Владимирской области при расследовании дела.

Установлено, что при производстве предварительного следствия на основании постановления старшего следователя Октябрьского МСО СУ СК области Т. от 26.10.2016 г. по делу уже назначалась ситуационная экспертиза, которая выполнена судебно-медицинским экспертом ГБУЗ ВО «Бюро СМЭ» С. Из выводов заключения № 267 от 23.11.2016 г. установлено, что имевшееся у потерпевшего Ж. телесное повреждение не могло образоваться при обстоятельствах, указанных обвиняемой Ж. в протоколе её допроса, протоколе осмотра места происшествия и в ходе экспертного эксперимента.

На основании постановления старшего следователя Октябрьского МСО СУ СК области П. от 25.11.2016 г. по делу вновь назначена ситуационная экспертиза. Согласно заключению эксперта С. от 28.11.2016 г. № 296, имевшееся у потерпевшего Ж. телесное повреждение не могло образоваться при обстоятельствах, указанных обвиняемой Ж. в протоколе её допроса и проверки показаний на месте.

Вышеизложенные заключения № 267, № 296 к материалам дела следователями, в производстве которых находилось уголовное дело, не приобщены, постановления об их назначении из материалов уголовного дела изъяты.

Кроме того, из содержаний заключений экспертов № 296 от 28.11.2016 г. и № 267 от 23.11.2016 г. следует, что на экспертизу следователем представлен в том числе допрос эксперта, который в материалах уголовного дела также отсутствует.

По мнению Суздальского межрайонного прокурора, выявленные факты свидетельствуют о грубом нарушении следователями требований уголовно-процессуального законодательства, выразившихся в изъятии из материалов уголовного дела доказательств, имеющих существенное значение при рассмотрении уголовного дела по существу и намеренном искажении результатов предварительного расследования, что привело к необоснованной квалификации действий Ж. по ч. 1 ст. 109 УК РФ, нарушении ее прав, а также прав потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства на ознакомление с постановлениями о назначении экспертиз и их результатами.

Прокурор считает, что выявление указанных фактов в ходе судебного разбирательства свидетельствует о нарушении принципов уголовного судопроизводства, установленных ст. 7 и 17 УПК РФ, и воспрепятствовало как прокурору, так и суду объективно оценить собранные по делу доказательства.

17.08.2017 г. Суздальским межрайонным прокурором было внесено представление на имя руководителя СУ СК России по Владимирской области об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства при расследовании уголовных дел.

В данном представлении прокурор потребовал рассмотреть настоящее представление с участием представителя межрайонной прокуратуры и обязать сотрудников СУ СК незамедлительно принять конкретные действенные меры к устранению причин и условий, способствовавших нарушениям закона, и недопущению их впредь; решить вопрос о привлечении к строгой дисциплинарной ответственности виновных должностных лиц и сообщить о результатах рассмотрения прокурору в установленный законом срок.

По факту возвращения уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ и в связи с внесенным прокурором представлением была проведена служебная проверка, которая установила следующее.

Установлен факт нарушения старшим следователем Т. статьи 198 УПК РФ (права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы), который 26.10.2016 г. назначил судебно-медицинскую экспертизу, однако с постановлением о назначении не ознакомил подозреваемую Ж. и потерпевшего, чем нарушил их права.

Старшим следователем Октябрьского межрайонного следственного отдела П. при расследовании дела также нарушена статья 198 УПК РФ, и, кроме того, выявлены нарушения ч. 2 ст. 21, ст. 6.1 УПК РФ.

Со стороны заместителя руководителя Октябрьского межрайонного следственного отдела С. допущены нарушения требований п. 1.24 Приказа Следственного комитета РФ от 09.01.2017 г. № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете РФ».

За допущенные нарушения при производстве расследования уголовного дела № 42450 старший следователь Октябрьского межрайонного следственного отдела Т., старший следователь Октябрьского межрайонного следственного отдела П. и заместитель руководителя Октябрьского межрайонного следственного отдела С. заслуживают привлечения к дисциплинарной ответственности, однако в связи с истечением срока давности привлечения к дисциплинарной ответственности меру ответственности применить не представляется возможным.

В действиях старшего следователя П. могут быть усмотрены признаки состава преступления, предусмотренные ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств), в связи с чем следственным управлением Следственного комитета РФ по Ивановской области была проведена проверка в порядке ст. 144-145 УПК РФ и было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.

Возвращаясь к судьбе уголовного дела, скажем, что в ходе проведения дополнительного расследования после возвращения дела судом прокурору следствие квалифицировало содеянное гражданкой Ж. как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, т.е. по части 4 статьи 111 УК РФ.

31 июля 2018 года старший следователь Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Владимирской области М. предъявила гражданке Ж. обвинение, которое теперь стало звучать так:

18 сентября 2016 года около 14 часов 00 минут гражданин Ж. и потерпевший Ж. находились в помещении кухни дома № 34 по ул. Центральной с. Сновицы Суздальского района Владимирской области, где потерпевший Ж. предпринял в отношении гражданки Ж. аморальные противоправные действия, выразившиеся в том, что находясь позади неё,

взялся двумя руками за её волосы, у нее в этот момент в правой руке находился кухонный нож.

В этот момент у обвиняемой Ж. на почве внезапно обострившихся личных неприязненных отношений возник преступный умысел, направленный на причинение потерпевшему Ж. тяжкого вреда здоровью.

Реализуя задуманное, действуя умышленно, около 14 часов 00 минут 18 сентября 2016 года, обвиняемая Ж., находясь в помещении кухни дома №34 на ул. Центральной с. Сновицы Суздальского района Владимирской области, клинком ножа, находящегося в её руке, с целью причинения тяжкого вреда здоровью, с силой нанесла удар в нижнюю часть живота потерпевшему Ж. После чего, безразлично относясь к последствиям, тяжесть и опасность которых для жизни Ж. она могла и должна была предвидеть, не приняла должных мер к сохранению жизни Ж.

В результате преступных действий обвиняемой Ж. потерпевшему Ж. были причинены телесные повреждения в виде слепого проникающего колото-резаного ранения живота с повреждением желудка, относящегося к категории повреждений, причинивших тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, и состоящего в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти.

Смерть Ж. наступила в результате колото-резаного ранения живота с повреждением желудка, осложнившегося развитием разлитого гнойно-фибринозного воспаления брюшной полости.

Будучи допрошенной после предъявления обвинения, обвиняемая Ж. не признала себя виновной по ч. 4 ст. 111 УК РФ и подтвердила данные ею ранее показания. Пояснила, что смерти потерпевшего не желала, так же как и причинения тяжкого вреда здоровью, целенаправленно удар не наносила, повернулась машинально, чтобы потерпевший перестал держать её за волосы. Винит себя только в том, что должна была положить нож либо не держать его перед собой, либо на самый крайний вариант опустить нож из рук. Также винит себя за то, что не настояла на вызове скорой помощи потерпевшему Ж. Надо было не слушать его, а самой вызвать скорую помощь.

При ознакомлении 31.07.2018 г. с материалами уголовного дела обвиняемая Ж. заявила ходатайства, поддержанное защитником, о переквалификации её действий с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ и о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей.

31 июля 2018 года старший следователь Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Владимирской области М. вынесла постановление о частичном отказе в удовлетворении ходатайства. В части переквалификации действий обвиняемой Ж. с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ было отказано, так как следствие не считает возможным переквалифицировать действия Ж. на ч. 1 ст. 109 УК РФ *по причине наличия доказательств, подтверждающих вину Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.*

О каких доказательствах идёт речь? Из материалов уголовного дела видно, что у следствия появились следующие новые доказательства.

Это, прежде всего, заключение экспертов повторной судебно-медицинской экспертизы № 8/18 от 29.06.2018 г., согласно которому ранение передней поверхности живота Ж. является колото-резаным и причинено воздействием плоского колюще-режущего предмета, с клинком, который имел обух, лезвие и острие, о чем свидетельствуют линейный характер раны с ровными краями, наличие раневого канала, проникающего в брюшную полость (с повреждением стенки желудка на значительном удалении от кожной раны), наличие П-образного и остроугольного концов у кожной раны, а также морфологические характеристики повреждения футболки в виде ровных краев с пересеченными на одном уровне краевыми нитями. Таким предметом мог быть клинок

ножа или другой предмет с аналогичными свойствами.

Формы, свойства и размеры повреждений кожной раны и повреждения на передке футболки могут указывать на то, что максимальная ширина погрузившейся части клинка составляла около 1,4-1,6 см.

Установленные при медико-криминалистическом исследовании в рамках настоящей повторной комиссионной экспертизы форма и размеры концов кожной раны и повреждения на передке футболки свидетельствуют о том, что их верхние концы являются обушковыми, а нижние лезвийными.

Локализация раны на передней брюшной стенке слева, в 7 см книзу от уровня центра пупка и в 3,5 см слева от условной срединной линии.

Локализация раны на животе и направление раневого канала указывают на то, что проникающее колото-резаное ранение живота причинено воздействием предмета **с приложением силы на нижнюю часть живота слева с направлением воздействия длинника клинка спереди назад, снизу вверх и несколько слева направо.**

Согласно результатам повторного медико-криминалистического исследования в рамках производства настоящей комиссионной экспертизы, установлено, что **при причинении проникающего ранения живота Ж. лезвийный край клинка был ориентирован книзу.**

Ранение передней поверхности живота с раневым каналом, проникающим в брюшную полость, по признаку опасности для жизни, согласно п. 6.1.15 «Медицинских критериев определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека», утвержденных приказом Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 года № 194н, расценивается как ТЯЖКИЙ вред, причиненный здоровью человека.

Смерть Ж. наступила от проникающего ранения живота с повреждением стенки желудка и излитием из раны желудочного содержимого в брюшную полость, с последующим развитием характерного осложнения - разлитого фибринозно-гнойного перитонита ферментативного шока.

Таким образом, между повреждениями, причинившими тяжкий вред здоровью человека, и наступлением смерти Ж. имеется прямая причинно-следственная связь. В случае оказания медицинской помощи Ж. в течение первых 6 часов после причинения ранения живота, проведением оперативного вмешательства в виде ушивания повреждения стенки желудка и санации брюшной полости, исход имевшегося ранения в наибольшей степени мог быть благоприятным для Ж. Экспертной комиссией категорически **исключается смещение стенки антрального отдела желудка** при данных условиях не только до уровня локализации раны на передней брюшной стенке (ниже уровня пупка), но и до горизонтального уровня пупка. Также отмечено, **что при повороте и при приседании человека не создаются условия для значимого смещения желудка.** Экспертной комиссией с учетом исследования фотографии протокола осмотра места происшествия, отображающей локализацию раны передней брюшной стенки, отмечается, что верхний конец раны расположен в 7 см книзу от уровня центра пупка и в 3,5 см слева от условной срединной линии, расстояние от центра пупка до верхнего конца раны - 8 см, принимая во внимание невозможность смещения стенки антрального отдела желудка до уровня пупка, экспертная комиссия может заключить, что длина раневого канала была не менее 8 см.

Кроме того, экспертная комиссия **исключила возможность причинения проникающего ранения живота с повреждением стенки желудка, при обстоятельствах, отраженных обвиняемой Ж. в ходе проверки показаний на месте от 25.11.2016,** основываясь при этом на **несовпадении направления раневого канала раны на животе у потерпевшего Ж. с продемонстрированным обвиняемой Ж. направлением воздействия клинка ножа в ходе проверки показаний на месте от 25.11.2016, на невозможности**

развития скорости действия клинка ножа более 11 м/с (при развороте обвиняемой Ж. с учетом даже встречного наваливания потерпевшего Ж.), отсутствии жесткой фиксации руки обвиняемой Ж., удерживавшей нож в пространстве.

А также **исключила возможность причинения проникающего ранения живота с повреждением стенки желудка** при обстоятельствах, отраженных обвиняемой Ж. в ходе проверки показаний на месте от **09.10.2017**, основываясь при этом на несовпадении направления раневого канала (спереди назад, снизу вверх и несколько слева направо), имевшегося у потерпевшего Ж., с продемонстрированным обвиняемой Ж. перпендикулярным (спереди назад) направлением воздействия клинка ножа в ходе проверки показаний на месте от 09.01.2017, на несовпадении ориентации плоскости клинка отображенной обвиняемой Ж. (лезвийный край клинка был ориентирован кверху) с морфологическими свойствами повреждений на одежде и раны на кожном лоскуте (установленными при медико-криминалистическом исследовании объектов в ходе проведения настоящей повторной комиссионной экспертизы, свидетельствующие о том, что нижние концы причинены лезвийным краем клинка), невозможности развития скорости действия клинка ножа более 11 м/с (при развороте обвиняемой Ж. с учетом даже встречного наваливания потерпевшего Ж.), отсутствии жесткой фиксации руки обвиняемой Ж., удерживавшей нож в пространстве (даже при жесткой фиксации руки кистью руки рукоятки ножа, ее правая рука не была фиксирована в пространстве, например наличием опоры к задней поверхности области локтевого сустава).

Для дачи разъяснения причины смерти Ж. в рамках заключения № 8/18 от 29.06.2018 **был допрошен эксперт С.**

К числу новых доказательств вины относятся: **протокол выемки от 09.04.2018**, из которого следует, что в помещении ГБУЗ ВО «Бюро судебно-медицинской экспертизы» были изъяты микропрепараты к акту судебно-медицинского исследования № 199 от 22.09.2016 г.; **протокол выемки от 02.02.2018**, из которого следует, что в помещении ГБУЗ ВО «Бюро судебно-медицинской экспертизы» был изъят кожный лоскут с раной от трупа Ж.; **протокол осмотра предметов от 30.07.2018**, согласно которому осмотрены кожный лоскут от трупа Ж. и микропрепараты на стеклах в количестве 5 шт., необходимые для проведения повторной комиссионной медицинской судебной экспертизы, а также **вещественные доказательства, признанные таковым постановлением от 30.07.2018:** футболка, нож, кожный лоскут от трупа Ж. , микропрепараты на стеклах в количестве 5 шт.

По мнению предварительного следствия, и это отражено в обвинительном заключении *к показаниям обвиняемой Ж. в той части, что потерпевший Ж. сам своей нижней частью наткнулся на нож, который в своей руке держала обвиняемая Ж., следствие относится критически, так как экспертная комиссия в своем заключении № 8/18 от 29.06.2018 исключила возможность причинения проникающего ранения живота с повреждением стенки желудка, при обстоятельствах, отраженных обвиняемой Ж. в ходе проверки показаний на месте от 25.11.2016, основываясь при этом на несовпадении направления раневого канала раны на животе у потерпевшего Ж. с продемонстрированным обвиняемой Ж. направлением воздействия клинка ножа в ходе проверки показаний на месте от 25.11.2016, на невозможности развития скорости действия клинка ножа более 11 м/с (при развороте обвиняемой Ж. с учетом даже встречного наваливания потерпевшего Ж.), отсутствии жесткой фиксации руки обвиняемой Ж., удерживавшей нож в пространстве.*

8 августа 2018 года старшим следователем Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Владимирской области М. было составлено обвинительное заключение по данному

уголовному делу по обвинению гражданки Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Данное обвинительное заключение было направлено для согласования руководителю следственного органа, который при изучении дела выявил нарушения уголовно-процессуального законодательства. В частности, в нарушение требований п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемой Ж. не описано, что от полученной колото-резаной раны живота у потерпевшего Ж. развилось осложнение – разлитый фибринозно-гнойный перитонит, вследствие которого наступила смерть Ж.

Кроме того, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого от 27.06.2018 г. отсутствует ссылка на ст. 175 УПК РФ, хотя объем обвинения изменен и вынесено новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Данные обстоятельства препятствуют направлению уголовного дела прокурору в порядке ст. 220 УПК РФ и подлежат устранению в ходе дополнительного расследования путем производства указанных следственных и процессуальных действий.

14 августа 2018 года старший следователь Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Владимирской области М. перепредъявила гражданке М. обвинение по ч. 4 ст. 111 УК РФ, устранив выявленные руководителем следственного органа нарушения закона.

При допросе в качестве обвиняемой 14.08.2018 г. гражданка Ж. вновь не признала себя виновной по ч. 4 ст. 111 УК РФ и сослалась на данные ею ранее показания.

При ознакомлении с материалами уголовного дела 14.08.2018 г. обвиняемая Ж. и её защитник вновь ходатайствовали о переквалификации содеянного с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ и о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей.

14 августа 2018 года старший следователь Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Владимирской области М. вновь вынесла постановление о частичном отказе в удовлетворении заявленного ходатайства, по содержанию аналогичное вынесенному ранее.

15 августа 2018 года старшим следователем Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Владимирской области М. направила в Суздальскую межрайонную прокуратуру уголовное дело с обвинительным заключением.

27 августа 2018 года Суздальский межрайонный прокурор Ч. вернул уголовное дело для производства дополнительного следствия ввиду допущенных нарушений уголовно-процессуального законодательства. В частности, в нарушение п.п. 4, 5 ч. 1 ст. 171 УК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ, предъявленное обвинение не содержит указания о применении обвиняемой Ж. при совершении преступления ножа в качестве предмета, используемого в качестве оружия, отсутствует данный квалифицирующий признак и в квалификации её преступных действий.

Также прокурор указал на существующие противоречия между заключениями судебно-медицинских экспертов о причине смерти потерпевшего Ж.

Так, в заключении судебно-медицинской экспертизы № 199а от 24.10.2016 г. указано, что смерть Ж. наступила в результате колото-резаного ранения, осложнившегося развитием разлитого гнойно-фибринозного воспаления брюшной полости. Эта же причина смерти указывается следователем в постановлении о привлечении Ж. в качестве обвиняемой.

Вместе с тем, согласно выводам комиссионной судебной медицинской экспертизы № 8/18 от 29.06.2018 г., смерть Ж. наступила от проникающего ранения живота с повреждением стенки желудка и излитием из раны желудочного содержимого в брюшную

полость, с последующим развитием характерного осложнения – разлитого фибринозного перитонита и ферментативного шока.

Имеющиеся расхождения в выводах экспертов №199а и 8/18 относительно причины смерти Ж., в том числе путем получения от экспертов разъяснений заключений, на стадии расследования не устранены.

Кроме того, в нарушение п. 7 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении следователем необоснованно приведено смягчающее вину обвиняемой Ж. обстоятельство в виде активного способствования раскрытию и расследованию преступления.

Согласно п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания», активное способствование раскрытию и расследованию преступления следует учитывать в качестве смягчающего наказания обстоятельства, если лицо представило органам следствия информацию о совершенном с его участием преступлении либо о своей роли в преступлении, имеющую значение для раскрытия и расследования преступления. Однако в ходе расследования установлено, что изложенные обвиняемой Ж. при проведении с ней следственных действий обстоятельства совершения ею преступления опровергнуты иными доказательствами по делу. При этом вина в инкриминируемом преступлении ею не признана.

Прокурор указал, что в ходе дополнительного расследования необходимо провести комплекс следственных и иных процессуальных действий, направленных на устранение отмеченных недостатков, по результатам принять законное решение.

21 сентября 2018 года и.о. заместителя руководителя Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Владимирской области М. перепредъявила обвиняемой Ж. с учетом замечаний прокурора обвинение по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

При этом обвиняемая Ж. последовательно продолжала отрицать свою вину по ч. 4 ст. 111 УК РФ и сослалась на данные ею ранее показания.

При выполнении 21 сентября 2018 года требований статьи 217 УПК РФ обвиняемая Ж. и её защитник адвокат Г. уже не ходатайствовали о переквалификации содеянного на ч. 1 ст. 109 УК РФ и просто продублировали ходатайство о рассмотрении дела в суде с участием присяжных заседателей.

21 сентября 2018 года и.о. заместителя руководителя Октябрьского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Владимирской области М. удовлетворила данное ходатайство.

04.10.2018 г. и.о. заместителя руководителя Октябрьского межрайонного следственного отдела М. составила обвинительное заключение по уголовному делу № 42450 по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

15 октября 2018 года заместитель Суздальского межрайонного прокурора Д. утвердила обвинительное заключение и 22 октября 2018 года направила дело для рассмотрения председателю Суздальского районного суда.

12 ноября 2018 года судья Суздальского районного суда Владимирской области М. вынесла постановление о назначении предварительного слушания на 22 ноября 2018 года, по результатам которого было вынесено постановление о назначении судебного заседания на 6 декабря 2018 года.

В период с 6 декабря 2018 года по 27 марта 2019 года Суздальский районный суд Владимирской области рассматривал данное уголовное дело по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст. 111 УК РФ, с участием коллегии из числа присяжных заседателей. Причем в состав коллегии вошли только один мужчина (он

избран старшиной присяжных заседателей) и пятеро женщин, трое из которых достигли пенсионного возраста, так же, как и подсудимая Ж.

15 марта 2019 года после окончания судебного следствия был сформулирован вопросный лист для присяжных заседателей, в который было включено 5 вопросов. Ниже приводим содержание вопросов и ответов на них, которые дали присяжные заседатели.

Вопрос № 1 (надо отвечать всегда).

Доказано ли, что 18 сентября 2016 года около 14 часов 00 минут в помещении кухни дома № 34 по ул. Центральной с. Сновицы Суздальского района Владимирской области потерпевшему Ж. клинком ножа в нижнюю часть живота причинено телесное повреждение в виде слепого проникающего колото-резаного ранения живота с повреждением желудка, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни; в результате указанного проникающего ранения живота, с повреждением стенки желудка и излитием из раны желудочного содержимого в брюшную полость, с последующим развитием характерного осложнения – разлитого фибринозного перитонита и ферментативного шока потерпевший Ж. умер 22 сентября 2016 года в 11 часов 40 минут в том же доме?

Ответ: Да доказано.

Голосование:

«за» - единодушно.

Вопрос № 2.

Если на вопрос № 1 дан утвердительный ответ, то **доказано ли**, что описанное в нем деяние совершила обвиняемая Ж., а её конкретные действия выразились в том, что 18 сентября 2016 года около 14 часов 00 минут, в помещении кухни, после того, как потерпевший Ж. в ходе внезапно возникшего конфликта с силой двумя руками схватил её за волосы, причинив физическую боль, у неё обострилась личная неприязнь к потерпевшему Ж., и она находящимся в её руке клинком ножа, с силой нанесла ему удар в нижнюю часть живота, причинив телесное повреждение, указанное в вопросе № 1?

Ответ: нет, не доказано.

Голосование:

«за» - единодушно.

Вопрос № 3.

Если на вопрос № 1 дан утвердительный ответ, а на вопрос № 2 отрицательный ответ, то **доказано ли**, что описанное в первом вопросе деяние совершила обвиняемая Ж., а её конкретные действия выразились в том, что она 18 сентября 2016 года около 14 часов 00 минут, находилась на кухне дома № 34 на ул. Центральной с. Сновицы Суздальского района Владимирской области, потерпевший Ж., находясь позади обвиняемой Ж., взялся двумя руками за её волосы, у которой в этот момент в правой руке находился кухонный нож, испытал сильную физическую боль и желая освободиться из рук потерпевшего Ж., обвиняемая Ж. резко повернулась в сторону последнего, продолжая держать в правой руке кухонный нож, в результате чего, навалившись своим телом на неё, последний наткнулся нижней частью живота на кухонный нож и ему было причинено телесное повреждение, указанное в вопросе № 1?

Ответ: Да, доказано.

Голосование:

«за» - единодушно.

Вопрос № 4.

Если на вопрос № 2 или № 3 дан утвердительный ответ, то **виновна ли** обвиняемая Ж. в совершении действий, признанных доказанными?

Ответ: нет не виновна.

Голосование:

«за» - единодушно.

Пятый вопрос звучал так: если на вопрос № 4 дан утвердительный ответ, то заслуживает ли Ж. снисхождения? Но на него присяжные уже не отвечали, потому что на вопрос № 4 дали отрицательный ответ.

27 марта 2019 года Суздальский районный суд Владимирской области постановил по делу оправдательный приговор: Ж. по предъявленному ей обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, оправдать на основании п.п. 3, 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта за отсутствием в её деянии состава преступления.

Государственными обвинителями, а их по делу было два: заместитель Суздальского межрайонного прокурора Д., утверждавшая обвинительное заключение, и старший прокурор уголовно-судебного управления прокуратуры Владимирской области К., - были внесены апелляционные представления (основное и дополнительные) на приговор Суздальского районного суда от 27.03.2019 г.

Но государственным обвинителям не удалось убедить суд апелляционной инстанции в том, что имеются основания для отмены оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, перечисленные в статье 389.25 УПК РФ.

13 июня 2019 года Владимирский областной суд вынес апелляционное определение, которым приговор Суздальского районного суда Владимирской области с участием присяжных заседателей от 27 марта 2019 года в отношении Ж. оставил без изменения, а апелляционное представление государственных обвинителей Д. и К. – без удовлетворения.

После чего приговор Суздальского районного суда вступил в законную силу.

Как оценивают представители стороны обвинения законность уголовного преследования оправданного лица?

Ответ на данный вопрос мы находим в заключениях, которые составлены в Октябрьском межрайонном следственном отделе Следственного комитета РФ по Владимирской области и в Суздальской межрайонной прокуратуре.

Согласно заключению по уголовному делу № 42450, по которому вынесен оправдательный приговор, составленному и.о. руководителя Октябрьского межрайонного следственного отдела Г., изучением имеющихся материалов уголовного дела установлено, что *приговор суда носит спорный характер, явился следствием сложившейся у членов коллегии присяжных заседателей субъективной позиции о невиновности подсудимой, которую нельзя оценить как правильную и обоснованную с юридической точки зрения, так как факт нахождения у обвиняемой Ж. в руках ножа и причинения ножевого ранения погибшему в результате её действий установлен и не отрицался, в том числе и самой обвиняемой Ж.*

И.о. руководителя Октябрьского межрайонного следственного отдела Г. полагает, что *вынесение оправдательного приговора ввиду вышеуказанного вердикта присяжных явилось следствием отсутствия у членов коллегии присяжных заседателей необходимых правовых знаний, что повлекло дачу им неверной юридической оценки произошедшему.*

24 июня 2019 года заместитель Суздальского межрайонного прокурора Д., которая поддерживала государственное обвинение по данному уголовному делу при рассмотрении его в суде и в 2017 году и в 2019 году, составила заключение об обоснованности уголовного преследования оправданного лица, в котором она полагает: признать обоснованным предъявление обвиняемой Ж. обвинения по ч. 4 ст. 111 УК РФ;

признать обоснованным направление уголовного дела в суд с квалификацией действий Ж. по ч. 4 ст. 111 УК РФ; признать приговор Суздальского районного суда от 27.03.2019 г. обоснованным.

Данное заключение было утверждено Суздальским межрайонным прокурором.

Выводы.

Изучение материалов первого уголовного дела, рассмотренного районным судом Владимирской области с участием *присяжных заседателей*, приводит нас к неутешительным выводам и вместе с тем показывает реальную картину деятельности всех правоохранительных органов, вовлеченных в процесс уголовного преследования и рассмотрения уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей.

С сожалением приходится констатировать крайне низкий уровень расследования преступления следователями межрайонного отдела Следственного комитета РФ по Владимирской области. Выявлены факты многочисленных и весьма грубых нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов. В отношении одного из следователей даже проводилась проверка в порядке ст. 144-145 УПК РФ его коллегами из соседнего Ивановского регионального управления Следственного комитета на предмет наличия состава преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств). К счастью, было принято процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, но данный следователь уволился из Следственного комитета по собственному желанию.

Представители прокуратуры не смогли убедить присяжных заседателей в виновности подсудимой Ж. в предъявленном ей обвинении. Несмотря на тенденциозный по половому признаку состав коллегии присяжных заседателей (один мужчина и пять женщин, из которых три пенсионного возраста, так же, как и подсудимая), государственные обвинители не заявили в суде ходатайства о роспуске коллегии присяжных ввиду тенденциозности состава на основании норм части 1 статьи 330 УПК РФ, хотя изначально было понятно, что в таком составе данная коллегия присяжных не сможет вынести объективный вердикт и неизбежно станет на сторону подсудимой, что впоследствии и произошло, если судить по результатам голосования присяжных заседателей по опросному листу.

Изучение данного уголовного дела выявило и определенный обвинительный уклон в деятельности суда, что выразилось в формулировках постановления Суздальского районного суда от 17 мая 2017 года о возвращении прокурору уголовного дела в связи с тем, что ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий подсудимой как более тяжкого преступления. Напомним, что суд апелляционной инстанции изменил данное постановление Суздальского районного суда, исключив из его описательно-мотивировочной части указание на умышленный характер причинения телесных повреждений потерпевшему Ж., поскольку, согласно п.п. 1.3 п.6 ч.1 ст. 237 УПК РФ, суд при возвращении уголовного дела прокурору не вправе делать вывод о квалификации деяния, виновности обвиняемого, а также об оценке доказательств. Позиция суда, выраженная в постановлении от 17 мая 2017 года, предопределила квалификацию содеянного обвиняемой Ж. по более тяжкой статье УК РФ.

Те выводы, к которым приходит и.о. руководителя Октябрьского межрайонного следственного отдела Следственного комитета РФ по Владимирской области в своем заключении по уголовному делу, по которому постановлен оправдательный приговор, говорят о том, что присутствует полное непонимание сущности и особенности такой формы судопроизводства как суд с участием присяжных заседателей, а ход расследования и результаты рассмотрения этого уголовного дела районным судом с участием присяжных

заседателей показали, что следствие оказалось не готовым к тому, чтобы уголовные дела в районных судах рассматривались с участием присяжных заседателей.

На высоте оказалась сторона защиты, представленная обвиняемой Ж., которая последовательно давала показания о неумышленном характере причинения ею телесных повреждений потерпевшему, и её защитник адвокат Г., которые сумели убедить присяжных заседателей в той версии события преступления, которую излагала обвиняемая, и в невиновности последней.

Вердикт, вынесенный коллегией присяжных заседателей, свидетельствует об их необъективности. Признав доказанным, что подсудимая причинила телесное повреждение, повлекшее впоследствии смерть потерпевшего, присяжные вместе с тем признают подсудимую невиновной. Мы видим, что женщину, обвиняемую в убийстве мужчины, судила коллегия присяжных, состоящая из одного мужчины и пяти женщин, причем три из них были также пенсионного возраста, как и подсудимая. Трудно ожидать от такого состава коллегии присяжных заседателей объективного вердикта.

Вердикт присяжных заседателей лишил сторону обвинения возможности продолжения уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего деяние, повлекшее смерть потерпевшего Ж. Получилось так, что никто не понес никакой юридической ответственности за лишение человека жизни.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 31, ст.4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2001. - № 52, ч. 1, ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 25, ст. 2954.
4. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23 // СПС «КонсультантПлюс».
5. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 года № 465 // СПС «КонсультантПлюс».